

СТАТЬИ И ЭССЕ

Бляхер Л.Е.*

ПАРАДОКСЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ (ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛА)

Одним из феноменов российской науки начала XXI века, требующих специального осмысления, стал расцвет региональных научных сообществ. В городах и регионах возникают самостоятельные школы со своим, набором местных классиков, своей системой воспроизводства исследовательских и социальных установок. Не обошел этот процесс и политическую науку. Пожалуй, невозможно сегодня найти территорию без своего штата политических аналитиков, PR-специалистов и т.д. Казалось бы, процесс этот естественный и целиком положительный. В самом деле, чем больше политологов, чем более полно освещаются политические события на местах, тем больше шансов на становление институтов гражданского общества, демократических традиций. Однако в процессе бурного количественного роста представителей политической науки заключены парадоксы, без преодоления которых невозможно адекватное описание политических процессов, становление самостоятельной науки. Описать их, а значит, сделать возможным их преодоление – цель настоящей статьи. Эмпирическим материалом, на котором базируются наши рассуждения, стало "включенное наблюдение" за развитием политологии в Хабаровском крае, материалы 3-х конференций по дисциплине, прошедших в 1999 – 2001 годах, 6 неформализованных интервью с преподавателями политологии. Однако проблемы, которые мы попытались затронуть в статье, отнюдь не исключительная принадлежность хабаровского политологического сообщества. Нечто подобное отмечалось и в других "особых районах России"/1/.

Но прежде, чем приступить к заявленной теме, совершенно необходимым представляется ответить на еще один предваряющий вопрос: "А Вы, уважаемый автор, уверены, что родились в Аркадии счастливой и провинциализмом не страдаете?" В данном случае, ответ будет бесспорно отрицательным на первую часть вопроса и положительным на вторую. Провинциализм сегодня – одна из "родовых черт" отечественной науки, от которой избавлены лишь немногие избранные, к каковым автор этих строк себя не относит. Тогда вполне закономерно недоумение: в чем ценность такой рефлексии провинциала над провинциальной политологией? Не будет ли это воспроизведением того же провинциализма? Иными словами, для осуществления исследования провинциальной политологии необходима, по словам П.Бурдье, "объективация объективирующего субъекта". Возможность исследовательской позиции по отношению к провинциальной политологии, в данном варианте, определяется особенностью хабаровского политологического сообщества, точнее, его отсутствием в форме систематических теоретических коммуникаций. Ученый-политолог, проживающий в Хабаровске, всегда вхож в некоторое внешнее

---

* Бляхер Леонид Ефимович, доктор философских наук, профессор, зав кафедрой философии и социологии Хабаровского Гостехуниверситета.

сообщество (без этого он – не ученый) и, одновременно, является в нем "чужаком", поскольку он суть дальневосточник, а это далеко, хоть город-то и нашенький. Вхожесть и "невхожесть" дает возможность "остраненно" взглянуть и на то, и на другое сообщество. А раз так, то можно приступить к изложению. Итак...

Диагнозы провинциальной политологии: снижение культурного образца, "отдельные столики" или "особый район России"

То, что сегодня политическая наука пребывает в разделенном состоянии, стало уже почти трюизмом. Это и было одним из толчков, приведших к дискуссии на страницах "Pro et contra". Однако смысл этой разделенности трактуется различно. Здесь достаточно явно вырисовываются три подхода. Примером первого является статья Б.Степанова /2/, посвященная нижегородскому научному сообществу. Ключевым термином здесь выступает "провинциализм". Данный термин трактуется в соответствии с его пониманием у Ю.А. Левады: "Специфический тип центр-периферийных отношений, в котором реализация культурного образца заторможена (точнее, опосредуется некоторым *барьером* (выделено нами - Л.Б.), преодоление которого требует снижения уровня реализации образца)" /3/. Предметом анализа и выступает характеристика "барьера" и механизма трансформации культурного образца "строгой научности". Однако такой подход неявно предполагает, что этот образец несомненно имеет место в научном сообществе. Представители "младшего поколения столичных ученых" являются носителями традиции, которая и должна воспроизводиться на периферии, желательнее, без ее снижения. Как только это произойдет, разделенность науки закончится.

Вместе с тем, для значительной части региональных научных школ декларируемой целью является не "центральный образец", а "...мучительные поиски регионального самосознания, способности осмыслить нашу реальную жизнь без схематизма, нвязываемого сегодня ретивыми ревнителями западной науки"/4/.

Иными словами, речь идет о поиске иного образца или, во всяком случае, о претензии на этот поиск. Кажется, что ситуация складывается на подобие той, которую описывает Г. Олмонд (G.Almond) применительно к американской политологии /5/. Здесь, по его мнению, наука разбита на "отдельные столики" – методологические и идеологические направления, каждое из которых обладает собственным исследовательским ресурсом. Однако и "ресторанная метафора", употребляемая автором, представляется не вполне оправданной. За исключением ряда радикальных концепций, направления американской политологии вполне способны коммуницировать друг с другом (или враг с врагом). Результаты их исследований могут быть сопоставлены или оспорены представителями школы-оппонента. Проблема "отдельных столиков" (даже если она имеет место) является внутренней проблемой политологии. В российской региональной политологии положение видится несколько иным.

Отправным пунктом здесь выступает "особость" региона. "Только на Дальнем Востоке, на стыке мировых цивилизаций проявляется подлинный смысл диалога Востока и Запада, подлинный смысл России, и мыслить Дальний Восток в рационалистических рамках невозможно. Здесь нужно особое мышление." /6/. В другом случае особенность может подчеркиваться чем-то иным (этноконфессиональным составом населения, особенностями исторического становления, суровыми климатическими условиями и т.д.). Особость региона делает для представителей местных школ обоснованной и претензию на уникальность, "непереводимость" исследований "местной специфики" местными авторами.

Географически укорененные "отдельные столики" воздвигают вокруг себя "ширмы", за которыми скрывается все происходящее. Впрочем, в определенном отношении, именно в этом и проявляется "следование в русле столичных концепций": "Западная социология – считает уважаемый столичный аналитик – не улавливает особенностей российского исторического процесса, и прежде всего слабой расчлененности нашей социокультурной действительности."/7/. Описать парадоксы, происходящие "за ширмой" мы и попытаемся ниже.

Парадокс первый: политологическая коммуникация

Не оспаривая сам факт особости региона, отметим другое то, что разная "региональная специфика" приводит к, вобщем-то, сходным последствиям в разных регионах. В настоящем разделе мы попытаемся описать Хабаровскую "специфику", сравнив ее с другими "спецификами".

Становление дальневосточной политической науки наталкивается на существенное противоречие, связанное с ее бытием на осваиваемой территории. Дальний Восток России всегда отличался сравнительно слабым развитием социальной сферы. Это обстоятельство, помноженное на сложные природно-климатические и удаленность от центра, условия делало регион малопривлекательным для переселения. Во все времена существовал обширный комплекс мер, стремящийся это обстоятельство компенсировать. В XIX веке – предоставление значительных земельных угодий (100 десятин) и налоговых льгот для всех вновь прибывших. В XX веке, в советскую эпоху: "бронирование" квартир "на Западе" (в европейской части страны), дальневосточные надбавки, идеологические стимулы (комсомольские наборы). Необходимость иметь "оборонный кулак" против Японии, а позже – против Китая способствовала продолжению политики привлечения населения. Однако отсутствие условий для комфортного проживания вызывало столь же постоянный отток населения "на Запад", который компенсировался новыми оргнаборами. Так создавалась специфическая общность, обозначенная нами термином "проточная культура". Под этим термином мы понимаем социальное образование с относительным балансом положительной и отрицательной миграции и слабой сформированностью "регионального интеллектуального ядра"/8/. Наличие именно такой общности сказывалось на характере научного сообщества региона, особенно его, социально-гуманитарной части.

Потребность в кадровом обеспечении предприятий ВПК, МПС и добывающего комплекса вызвала к жизни образовательный комплекс, ряд НИИ (ДВО РАН). Однако воспроизводство собственно научных кадров осуществлялось своеобразно. Выпускники крупнейших вузов СССР распределялись в хабаровские вузы. Поработав в них какое-то время, они уезжали "за степенью" в alma mater. Даже если новоиспеченные кандидаты или доктора наук возвращались на Дальний Восток, они оказывались не участниками дальневосточного (хабаровского) профессионального сообщества, а сообщества тех вузов, которые они окончили. Там они самореализовывались, там находилась их референтная группа. "Внутренняя" профессиональная коммуникация была малоосуществима, поскольку школы эти находились зачастую в конфликтных отношениях. Невозможность осуществления профессиональной коммуникации приводила к подмене ее экстранаучными связями. Наличие жестких государственных образовательных программ не давало возможности актуализироваться этому "разноязычию". Но в 90-е годы XX века ситуация изменилась.

В исторически кратчайший период времени распалась система целевых аспирантур и докторантур. Командировки для участия в конференциях, конгрессах, стажировки за счет родного вуза или НИИ стали явлением почти мифическим.

Возможность отъезда на "историческую родину" (в регион, где осуществлялось профессиональное становление) для ученых была исключена обесцениванием сбережений. "Проточная общность" исчезла. На ее месте возникла институционально оформленная группа ("политологи", "социологи"), лишенная оснований для осуществления профессиональной коммуникации. Вместе с тем, институциональная оформленность (кафедры политологии, подготовка политологов) диктовала необходимость коммуникации. В этом и проявился первый парадокс. Коммуникация лишена общих оснований, но необходима. Без нее лишается смысла само сообщество /9/.

Особая (опять таки) черта Хабаровска связана с относительно слабой институциональной оформленностью самих политологов. В ряде регионов России к 90-м годам успела сложиться система воспроизводства политологических кадров сверхвысшей квалификации. Возникло некоторое сообщество, которое противопоставило себя как академическую науку иным "политологическим" сообществам. Можно вспомнить крайне уважаемую новосибирскую школу, мощные региональные школы в Нижнем Новгороде, Саратове, Казани и т.д. Здесь "ширма" выстраивалась естественно. Диссертационный совет выдвигал определенные требования к работам соискателей. Те, кто эти требования игнорировал, просто вытеснялись из профессионального сообщества. Кажется, что именно в этом и кроется возможность определения критериев научности. В самом деле, диссертационные советы входят в систему ВАК РФ, диссертационные исследования проходят экспертизу "в Москве". Задайте общие критерии экспертной оценки и...нет больше Пиринеев. Но проблема состоит в том, что само политологическое сообщество предельно разнородно и общие для всех критерии в нем проблема, а не данность. Наличие же диссертационного совета способно структурировать его на уровне региона, но не далее. Причина здесь простая.

Наука второй половины XX – начала XXI вв. не только и не столько род познавательной деятельности, но некоторое статусное пространство. Особенно характерно это для общественных наук СССР. Статусы и, связанные с ними, материальные и символические блага были жестко распределены и ранжированы. Достаточно показательны, что "научная революция" здесь происходила в форме "престолонаследования". Когда старшее поколение физически "сходило со сцены", появлялось новая генерация ("молодые" с седеющими висками) с новым спектром идей. И так до следующей смены поколений. Подобный тип развития достаточно естествен для замкнутой профессионально-статусной системы. Но, как только возникает "другая школа", с которой необходимо осуществлять профессиональную коммуникацию, будь то "столичные ученые" или "западные специалисты" и т.д., ситуация меняется. Научное "генеалогическое древо" становится похоже на переплетенный кустарник. Статусы остаются, но исчезает их абсолютность. Возникает возможность апелляции к "внешним" основаниям, рефлексии над собственными основаниями. Создается впечатление, что формирование региональных школ и есть такое внешнее основание. Замена вертикальных связей горизонтальными. Увы, только впечатление. Распад советского научного пространства, как и распад пространства политического можно обозначить термином "парад суверенитетов". Напрашиваются и дальнейшие аналогии. Тот факт, что "центральные журналы" и "головные институты" теряют свое влияние на местах воспринимается не столько как оторванность (хотя этот момент тоже присутствует), сколько, как возможность поиграть в игру "сам себе президент". Тем более, что большая часть региональных школ активно устанавливает контакты с "зарубежными партнерами" и, так сказать, получает международное

признание. Совершенно нормально воспринимаются Международные форумы с одним – двумя старательно отобранными "иностранными гостями".

В этих обстоятельствах "дружить домами" региональным школам – смерти подобно. Ведь "чужой классик" может и не согласиться с выводами "своего". Соответственно, непонятно становится, кто же "самый классик"? Непредсказуемым оказывается и поведение "подданных". Весьма показательно здесь восприятие (неприятие) политологов ЕУ в Спб Санкт-Петербургским университетским сообществом. Диалог здесь возможен только как поглощение одного сообщества другим.

Однако, если наличие традиционной системы воспроизводства кадров структурирует сообщество хотя бы на уровне регионов, то его отсутствие (случай г. Хабаровска) создает профессиональную солянку. Оказывается непонятно не только "кто самый главный", но и "какой этот главный"? Представление о политологии как виде деятельности тоже оказывается особым, точнее просто не оказывается. На сегодня в Хабаровске имеют место две политологические ассоциации: в Дальневосточной академии государственной службы и Хабаровском Гостехуниверситете. В 14-ти вузах города осуществляется преподавание политологии. В двух вузах ведется обучение политологов. При этом вопрос: "кто главный?" даже не стоит на повестке дня. Он решается "в рабочем порядке": тот, кто получил заказ на исследование от краевых властей. Каков этот главный, не столь принципиально. Он может быть представителем одного из вузов, частным консультантом или кем-то еще. "Сообщество людей", определяющее себя как "политологи", дружно делает поворот в его сторону. Так, в 1993 – 95 гг. политологи разрабатывали "национальную идею россияндальневосточников. Их результаты воплотились в двухтомный труд "Русская идея: исторический смысл и современное значение". В 1995-96 гг. дружно осуществляли научное сопровождение федеральной программы "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока России", что тоже повлекло за собой создание тома ученых записок. Позже изучали электоральное поведение в ходе различных выборов и т.д. Последнее воплотилось в обзорах для региональных газет и электронных СМИ. Эта неустойчивость предопределялась гетерогенностью хабаровского политологического сообщества. Собственно, гетерогенность свойственна политологическому сообществу не только в Хабаровске. Однако слабая институционализация (отсутствие совета, журнала, устойчивого грантового "ручейка" и т.д.) делает ее более видимой, а значит – легче фиксируемой.

Парадокс второй: политологическая солянка, или все-таки "отдельные столики"

Начиная со второй половины 90-х годов, политологами стали именовать себя очень разные люди. Не все они склонны были даже идентифицировать себя как ученые. Сюда вошли бывшие преподаватели научного коммунизма и истории КПСС, партийные работники, волей случая оказавшиеся в рядах ученых, оппозиционные политические деятели эпохи горбачевской перестройки, политические советники руководителей различных рангов, первые выпускники политологических отделений (факультетов) центральных университетов. Здесь достаточно явно выделяются несколько "когнитивных стратегий":

1. Стратегия идеологического обслуживания. Эта стратегия характерна, главным образом, для бывших "научных коммунистов" и "историков КПСС". Здесь показательное мнение одного из первых политологов края: *"А что ... в научном коммунизме все уже было. Я как тогда писал, так и сейчас пишу. Слова разные новые. Тут... следить надо, чтобы в курсе быть. Газеты читать, чтобы не*

пропустить чего. А так, анкету хорошую запустить, обработать и все. Важно, чтобы все состыковалось с тем, как люди считают...серьезные". (Респондент мужчина, 63 года, доктор философских наук, зав кафедрой социологии и политологии, интервью 26.06.2000 г.). Смысл политологии здесь сводится к "научной" легитимизации/ компрометации региональной власти, наиболее значимых политических движений и групп или политических интересов экономических группировок в новых условиях. Основное содержание работ связано с комментированием действий местной власти. Внимание к методологии как таковое отсутствует. Публицистичность работ оправдывается "особостью" региона и знанием "жизни простых людей". В исследованиях, если таковые предпринимаются, используются опросы, реже анкетирование, на основании которого выстраиваются рейтинги популярности политических деятелей. В качестве теоретической основы используется советский вариант марксизма, патриотическая риторика, ряд переинтерпретированных положений партологии. Источник финансирования исследований – разовые "вливания" из местных бюджетов, федеральное финансирование "научного" сопровождения региональных программ (например: программа социально-экономического развития Дальнего Востока), "частные" и партийные источники/10/.

2. Стратегия консультирования. Реализуется, как правило, бывшими партийными и комсомольскими работниками, "сошедшими с дистанции" политическими деятелями. От первой стратегии она отличается стремлением занять относительно привилегированное положение при власти, положение "серых кардиналов". Чаше всего, представители данной группы обслуживают (консультируют) региональные власти на выборах, при разработке региональных программ различной направленности. В отличие от представителей первой группы, "консультанты" достаточно активно изучают "зарубежный опыт". Речь здесь идет не о методологическом заимствовании, а, в основном, об изучении "политических технологий". "Электоральное поведение в значительной мере определяет стратегию и тактику политической рекламы, поэтому для успешного решения коммуникативных и политических задач необходимо исследование политического пространства (реальной расстановки сил на политической арене и в экономической сфере и т.д.)"/11/. Рефлексия над содержанием и направленностью технологий достаточно редка. "Теоретическая" мотивация связывается со знанием "реальных рычагов власти", "вхожестью во власть". Источники финансирования – местные и региональный бюджет, средства грантов, распределяемые с участием региональной власти.
3. Стратегия адаптации. Ее реализуют ученые самой различной дисциплинарной принадлежности, анализирующие политические явления. Главное внимание здесь уделяется именно методологическим вопросам. Цель – адаптировать инструментарий "родной" дисциплины к исследованию политических реалий. При этом, политология мыслится как terra incognita, где допустимо любое методологическое вторжение. При всем том, что эти работы бывают крайне эвристичны, но становлению политологии как самостоятельной дисциплины они способствуют отчасти. Источниками финансирования исследований здесь являются, главным образом, гранты отечественных и, отчасти, международных фондов/12/.
4. Стратегия освоения. Эту стратегию реализуют выпускники политологических отделений (факультетов), докторантур и аспирантур столичных вузов, оказавшиеся по воле судьбы на Дальнем Востоке России. Эта стратегия достаточно подробно описана и потому не конкретизируется нами/13/. Здесь доминирующим является стремление описать наличную реальность в терминах западной политологии. Как и

в предыдущем варианте, здесь велико внимание к методологическим проблемам. Источники финансирования – зарубежные гранты, совместные с западными университетами исследовательские проекты. Приведем мнение представителя данной группы, достаточно симптоматичное для подобной стратегии: *"Здесь предельно важно знание стандарта. Собственно, только это и важно. Когда ты пишешь заявку, должен четко понимать, что у фонда свои интересы и пристрастия, а ты – только исполнитель. В этом и состоит профессионализм. Нужно вписаться."* (Респондент, женщина, 29 лет, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии, интервью – 18.11.2000 года).

Можно выделить еще несколько частных стратегий. Существенным для нас является то обстоятельство, что эти акторы, реализуя различные стратегии, ориентируясь на принципиально несоотносимые исследовательские установки осмысляют себя в рамках одного научного сообщества. Соответственно, выводы представителя иной исследовательской стратегии осмысляются не как другие, а как "плохие" свои. Диалог здесь возможен, хотя и затруднителен только между представителями третьей и четвертой групп. Отсюда повышенная конфликтность политологического сообщества. Вместе с тем, последние две группы, по сути, возрождают практику самореализации за пределами регионального сообщества, потому мало участвуют в процессе его формирования. Причина этого связана с третьим парадоксом...

Парадокс третий: заказчики и источники финансирования

Одним из существенных элементов становящейся научной дисциплины является определение адресата исследований. Он, адресат, позволяет адекватно сформулировать социальный заказ, получить финансирование, облечь работу в конвенционально принятую форму. Здесь и возникает следующий парадокс. Европейская политология имела конкретный общественный смысл, конкретные задачи и источники поддержки. В эпоху Просвещения – новое государство, которое стремилось выработать наиболее адекватные принципы политического взаимодействия. Модернистский проект, стремление к развитию делал необходимым знание обществом самого себя, причем, знание независимое. Потребность в независимом политическом знании диктовала поддержку со стороны государства политологических исследований – от философских моделей до технологических разработок/14/. Наличие гражданского общества препятствовало "приручению" политологии властью. Собственно, наличие многих заказчиков давало возможность сформироваться профессиональному сообществу, относительно независимому и от непосредственного властного воздействия, и от "общественного мнения", все более напоминающего "восставшие массы" Ортеги-и-Гассет. Отечественная политология уже с момента оформления была сильнейшим образом ангажирована и властью, и "демократическими лидерами". Строго говоря, сформировалось три политологии:

- политология "на экспорт", цель которой сделать отечественные реформы понятными и привлекательными для бывшего "империалистического окружения";
- политология "внутреннего применения", позволяющая объяснить массам мудрость и прозорливость очередного властного решения или найти виновных очередного политического провала;
- политология "для высших учебных заведений", представляющая собой эклектическое соединение первого и второго. Их соотношение определялось удаленностью от центра и задачами местной власти.

Вне источников финансирования отечественной политологии и в центре, и в регионах оказывалось достаточно много. Так или иначе, финансировали политические

исследования и Федеральный центр, и региональные власти, и элитные экономические группировки, и наиболее влиятельные партии, и отечественные и международные научные фонды. Однако соотношение финансовых потоков было различным. Чем более удаленным был регион, тем меньше на его долю выпадало федерального финансирования, тем меньший интерес проявляли к нему (за редким исключением) международные фонды. Наличие жесткой региональной вертикали и консолидированной элиты (ситуация Хабаровского края) приводило к тому, что реальным заказчиком политолога выступала только краевая администрация. Наличие иных источников финансирования, если таковое имело место, не афишировалось по ряду причин. Во-первых, оно могло быть сочтено за проявление нелояльности, что существенно осложнило бы положение ученого в регионе. Во-вторых, незначительность "внешнего" финансирования приводило к стремлению беречь свой "долларовый ручеек". В-третьих, наличие контактов "в центре" или "за рубежом" выступает самостоятельным ресурсом, которым делиться тоже никто не собирается. Таким образом, единственным легальным заказчиком является региональная власть. Она же менее всего заинтересована в исследованиях, которые могут и не совпасть с генеральным курсом. Поскольку именно "придворные политологи", к каковым относится и автор этих строк, получают социальный, да и финансовый заказ, то именно они задают тон в региональном сообществе. По ним оно структурируется. То насколько предмет их занятий является независимым позитивным знанием, является политологией не обсуждается, а воспринимается как данность. При этом из "подручных средств" (художественные и публицистические тексты, расхожие мифологемы и т.д.) создается своя "единственно верная теория", релевантная для одного "особого района" России. Отсюда родом многочисленные учения о "твердом порядке", "опытных хозяйственников", "скороспелых западниках, которые завели страну в тупик" и тому подобное. Так, для Хабаровского края достаточно явно выделяются две "политические теории", проявляющиеся и в "политических исследованиях". Первая – теория о принципиальной консолидированности политической структуры края. Здесь нет и быть не может политической борьбы, поскольку в сложных природно-климатических условиях, опять же, она ведет к катастрофическим последствиям. Потому все должны сплотиться вокруг региональной власти. Яркий пример этой теории сборник "Актуальные проблемы социологии и политологии. Выпуск I., Хабаровск, 1996. Вторая - гласит, что Россия (Москва) постоянно игнорирует интересы особого этноса – россияне-дальневосточники. Здесь теоретиками выступают преподаватели политологии из политиков эпохи перестройки. См. сборник научных трудов "Россия: контуры новой социально-политической системы". Хабаровск, 1997. Позитивное знание общества о самом себе на провинциальном уровне оказывается практически невостребованным. Во всяком случае, это характерно для регионов с консолидированной вокруг губернатора элитой. Несколько иная ситуация возникает в регионах, где реально на власть претендует несколько групп. Но и здесь политическое знание выступает не столько в своем позитивном виде, сколько в виде инструмента политической борьбы. Тем самым, у региональной политологии как автономной исследовательской дисциплины не оказывается места, где она бы могла сформироваться. Не оказывается у нее и политического заказчика, способного ее поддержать. Ситуация действительно выглядит парадоксально. Транзитному обществу для благополучного совершения транзита необходимо знание о самом себе. Вместе с тем, в самом обществе для него не оказывается места. Однако попытка построить отечественную политологию путем импорта тоже натывается на противоречие. Причем не только финансовое, но и методологическое.

Парадокс четвертый: непоименованность

Политология, как и любая социальная дисциплина, конституирует реальность, опираясь на систему концептов (имен). Эти имена порождены реальностью, но, будучи определены, оказываются некоторым автономным образованием (аналогом попперовского "третьего мира"). Соорганизуясь между собой они становятся внутренне непротиворечивыми, а извне некомпромитируемыми, заслоняют реальность от взгляда исследователя. Дальнейшее исследование обращено не столько на реальность, сколько на систему номинации (концептов, имен). Об этом свойстве номинативной системы подробно писал Ю.Н.Караулов, на мнение которого мы и ссылаемся./15/. В период, когда реальность достаточно стабильна, а изменения происходят в русле сложившихся конструктов, последние являются достаточно прочным фундаментом для политологического исследования, для политического прогноза. Однако в период повышенной, катастрофической динамики ситуация меняется. Здесь система терминов не столько раскрывает, сколько маскирует реальность, представляя ее в таких формах манифестации, которые в весьма слабой степени поддаются фальсифицирующей рефлексии. Концепт становится маской, а реальность, построенная на его основе "политическим маскарадом". Он порождает невидимые для самих исследователей противоречия типа инвизибилизации, описанной Н.Луманом./16/ Нечто подобное и происходит при методологическом импорте. Поскольку именно в контексте западных демократий сложились базовые политические модели, методологический инструментарий, то было бы естественно для становящейся отечественной политологии этот инструментарий и модели использовать. Собственно говоря, именно это направление наиболее широко поддерживается международными научными фондами, порождает интересные теоретические изыскания. Сегодня сложился некоторый "джентельменский набор" авторов, который должен знать и использовать уважающий себя политолог: Р.Даль, Г.Лассуэл, К.Шмидт, В.Паретто, Й.Шумпетер, Г.Моска и т.д. Использовать же означает – брать определение или модель классического автора и смотреть, "насколько это соответствует действительности"/17/. Однако методологический импорт предполагает не вполне оправданную экстраполяцию уже исследованных типов транзита на новые варианты. Здесь и возникает "политический маскарад". Все как на западе: партии, выборы, демократы, центристы, коммунисты, фашисты и т.д. При этом представления о действительности не столько методологически прорабатываются, сколько утверждаются на базе интуиции. Интуиция может быть весьма глубокой, но рефлексия осуществляется не над ней, а над реальностью, уже подвергшейся концептуализации. Возникает герменевтический круг: желая осмыслить новое состояние общества, политический агент, да и исследователь вынужден прилагать к нему размерности, либо характеризующие уже не имеющее место состояние, либо следовать размерностям иного типа общества (географически или темпорально), релевантность которых наличному еще нужно доказать. Доказать же их можно только сопоставив систему категорий с другой системой, уже существующей. Однако если она уже существует, т.е. реальность описана, то в еще одном описании, видимо, нет особого смысла.

"Политический маскарад", как и любой маскарад, явление отнюдь не фантомное. Под эти маски выделяется финансирование, исходя из них, выстраиваются политические модели, принимаются решения. Другое дело, что маскарадные реалии не соответствуют собственному основанию. Точнее, "маска" выступает одним из выделенных участков политического пространства, репрезентирующим себя как все политическое пространство. Все остальное, даже если оно оказывает существенное

влияние на структуру политического, отбрасывается непротиворечивой моделью в сферу непоименованного. Возникает своеобразная исследовательская шизофрения: я как агент политического пространства знаю, что, скажем, политические решения принимаются "в саунах", что они являются результатом сложной системы регионального сетевого взаимодействия, но как ученый оказываюсь не в состоянии включить этот аспект в модели. Здесь политологи, вслед за экономистами начинают говорить о "серой политике", "теневой политике", вводить иные цветовые обозначения. По существу, это свидетельствует о том, что мы имеем дело с реальностью, для описания которой нам не хватает исследовательского ресурса, методологического инструментария.

С другой стороны, иного инструментария, кроме импортного, у нас просто нет. Отказ от методологической рефлексии приводит к тому, что рассуждения "политологов" начинают мало, чем отличаться от "кухонных разговоров о политике": "Бриан – это голова...". Попытка исследовать "саму жизнь" ведет лишь к бесконечному сбору материала, представляемому в качестве исследования, изредка сдобренному произвольной интерпретацией. Далеким от идеала является попытка распространить на политологию методологические принципы иных наук. Порой эти эксперименты бывают весьма красивыми, но элементом позитивного знания они становятся только после соответствующей интерпретации. В "первозданном" виде они, скорее, произведения искусства – уникальные и неповторимые и, именно в силу этого, абсолютно антипозитивные. Несколько более оправданным выглядит семиотическое вторжение в политологию. Но и здесь велика опасность "повышенного империализма" другой науки. На стадии сбора и анализа политической информации дискурсивные аналитические техники крайне продуктивны и удобны в работе /18/, но на стадии интерпретации рискуют опять "подняться" до высот художественной литературы, перестав быть позитивным знанием. Примерно такова же, на наш взгляд, ситуация с вторжением естественных и точных наук в политическую сферу. В силу гетерогенности регионального политологического сообщества сегодня методологические поиски протекают не столько в виде осознанных усилий сообщества, это удел столичных мыслителей, сколько в форме индивидуального исследовательского дрейфа, перебора вариантов. Успех здесь, скорее, случайность, нежели закономерный результат поиска. Самое же главное, что в силу отсутствия профессиональной коммуникации, этот успех не распространяется на все сообщество, в остается уникальным творческим усилием.

Некоторые итоги: где и как?

Таким образом, для становления регионального политологического сообщества необходимо два ключевых элемента: место, где может развернуться полноценная методологическая дискуссия, может быть организована профессиональная коммуникация; средства и критерии профессиональности этой коммуникации.

Проблема, однако, состоит в том, что места, где могли бы встретиться столь разные социальные группы, объединенные в "кластер" "политологи", в социальном пространстве просто не оказывается. Реально эти группы существуют в различных социальных структурах, имеют различных заказчиков, различные исследовательские установки и различные источники финансирования. Признать, что Другой имеет право на существование (услышать Другого) – значит "лишиться куска хлеба".

Встреча и обретение ими возможности "услышать друг друга" возможна в особом пространстве, которое одновременно укоренено в социуме и выделено из него. Это пространство должно выступать аналогом бахтинского "безместного места". Но

это отнюдь не классическая трансценденция философов. В современной ситуации этим условиям отвечает совершенно конкретное пространство – пространство образования/19/. Фундаментальной установкой образования советской эпохи была подготовка кадров для "нужд народного хозяйства". Эта установка предопределяла характер социального заказа, критерии подготовки специалистов, содержание курсов. Собственно, исходя из задач кадрового обеспечения предприятий и создавались вузы в регионах. Современная экономическая ситуация вносит в эту установку некоторые коррективы. Сегодня, отсутствующей промышленности не нужны никакие специалисты (см. Стенограмму организационного съезда совета ректоров ДВФО, Якутск, 2001). Более того, традиционная ориентация на пятилетний образовательный цикл и возрастание динамики изменений приводит к тому, что абитуриент самого востребованного факультета имеет все шансы через пять лет попасть на хорошую... биржу труда. Ведь то обстоятельство, что востребованность есть сегодня отнюдь не означает, что она сохранится все пять лет. Скорее, наоборот. Тем самым, образование лишается жесткой связи с успешным трудоустройством. Возникают новые установки типа "удовлетворение образовательных потребностей личности" и т.д. Не менее существенным является и то обстоятельство, что учитель зачастую не имеет социального первенства перед учеником. В первой половине 90-х годов достаточно явно выделяется тенденция всеобщей де-социализации, нарушении социальной идентичности/20/. Прежние жизненные стереотипы и модельные стратегии поведения потерпели крах. Новая социализация осуществлялась одновременно и учениками, и учителями. Причем, возраст и жизненный опыт чаще препятствовал, а не способствовал социализации. Все это привело к тому, что система образования из инструмента социализации и подготовки кадров превратилась в автономное пространство, достаточно слабо корреспондирующее с остальной структурой. Вместе с тем, по традиции за ним осталось признание важной *социальной* сферы. Это и создает одновременно укорененность и выделенность. Это еще более верно для системы подготовки политологов. Стремление, *a la* Г.Павловский, быть "советниками" при власти у политологов реализуется плохо. Еще хуже у них получается быть "интеллектуальной оппозицией". Кроме того, оказавшись "Pro et contra власти" политолог лишается ресурса дистанцирования от предмета исследования. Тем самым, политология в качестве элемента политической жизни "повисает в воздухе". Единственной "не занятой" сферой остается позиция вне власти. Будущие политологи оказываются возможны как политологи только в пространстве "незаинтересованного знания". Но финансируется это незаинтересованное знание только в пространстве образования. Там оно и возможно.

Переходя от сферы сугубо умозрительных построений к сфере более приземленной, отметим.

- Первое, что на наш взгляд, необходимо сделать для становления политологии на региональном уровне – дать жесткое разграничение: какое именно знание о политике является политологическим? Тем самым, за границу политологии окажутся выведены наиболее одиозные ее проявления в виде PR, "советничества", политической публицистики и т.д.
- Такие критерии не могут быть обретены внутри сообщества. Здесь они могут возникнуть только в результате групповой борьбы, в которой победит сильнейший, но отнюдь не лучший. Таким "внешним" критерием могут и должны стать всероссийские политологические журналы. Причем, именно политологические, а не политические (типа журнала "Власть"). Здесь в "безместном месте" журнала возможна организация дискуссии по методологическим вопросам. В ходе такой дискуссии скрытая парадоксом непоименованности полифоническая реальность

актуализируется. Следовательно, оказывается возможным установление соответствий (или несоответствий) между различными типами конституирования политической реальности. Неизбежный в этих условиях перекосяк в ту или иную сторону, исходя из пристрастий редакции, компенсируется тем, что возникают критерии и условия вхождения в корпорацию, возникают критерии профессиональной коммуникации.

- Исходя из критериев профессиональной коммуникации, выстраивается структура учебных курсов и условия воспроизводства сообщества. То, что невозможно (нет места) в реальном политическом пространстве, возможно в пространстве образования. Например, исходя из задач консолидации общества недопустимо и крайне вредно проведение деконструкции общих политических терминов ("порядок", "развитие", "справедливость" и т.д.). Ибо только они являются основой для легальной политической коммуникации. Но с точки зрения исследования, эта работа совершенно необходима. В учебном процессе она может найти свое место.
- Сам учебный процесс должен быть переориентирован с "прикладных" аспектов (где на этом можно заработать?) на "теоретические" вопросы: как это можно изучить? При этом несколько снизится привлекательность политологии для носителя обыденного сознания, но выиграет главное – корпорация.

В момент, когда корпорация сложится и окажется способной дать целостное позитивное знание о политической реальности на региональном уровне она обретет действительный смысл, выполнит свою действительную функцию – дать обществу независимое знание о себе, о механизмах его преобразования, о действительной, а не конъюнктурной специфике региона. В противном случае, стремясь сохранить себя "при политике" политология обречена а posteriori "объяснять" происходящее.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Речь идет о материалах конференции "Развитие политологии в регионах: институциональный и содержательный аспект", состоявшейся в Самаре 7-8 июня 2001 года.
2. Степанов Б.Е. Новая русская идея: нижегородский пролог//Философский век. Альманах. Вып.16.Европейская идентичность и российская ментальность. Спб.,2001. С.254-270.
3. Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.,1994. С. 42-43.
4. Болдырев В.И. Российский выбор: самобытность политического развития// Человек. Культура. Цивилизация. Хабаровск: ХГТУ, 1997. С. 31-36.
5. Almond G. A discipline divided: schools and sects in political science. – Newbury Park, L., New Delhi, 1990. P. 13 –31.
6. Ревич И.М. Формулы катастрофического атавизма// Духовное производство и его специфика. Хабаровск: ХГПУ, 1999. С. 17.
7. Ахиезер А.С. Можно ли понять российское общество, не исследуя его специфику// Pro et contra. Т. 5, N 4, 2000. С. 199 – 203.
8. Бляхер Л.Е. Пространственная сегрегация г. Хабаровска: теоретико-методологические этюды// Российское городское пространство:попытка осмысления, М.:МОНФ, 2000. С. 146 – 151.
9. Эта мысль высказана Вадимом Радаевым. См: Радаев В.В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках// Pro et contra, том 5, N 3, 2000. С. 202 -215

10. Примером подобного исследования является: Болдырев В.И. Драма российского выбора// Материалы региональной конференции "Социально-экономическое и политическое развитие Дальнего Востока России. Хабаровск: ХГАЭиП, 1997. С. 78-81.
11. Кондратенко П.Б. Коммуникативная деятельность как организация социального пространства. Хабаровск: "Утес", 2001. С.96.
12. Крапивник Л.Ф. Моделирование психолингвистических оснований политической деятельности// Человек. Культура. Цивилизация. Хабаровск: ХГТУ, 1997. С. 112 – 115.
13. Пантин В. Сможет ли российская наука понять, что происходит в России// Pro et contra, Том 5, N 2, 2000. С.138 –149.
14. Филиппов А.Ф. Теоретическая социология// Теория общества. М.: Канон-пресс, 1999. С. 7 – 35.
15. Караулов Ю. Общая и русская идеография. М.:Наука, 1976. С.287 –296.
16. Luhmann N. Tautologie und Paradoxie in den Selbstbeschreibungen der modernen Gesellschaft// Zeitschrift f. Soziologie, 1987, Jg. 16. S. 161-174.
17. Филиппов А.Ф. Познание действительности и теоретическая коммуникация// Pro et contra. Т. 5, N 4, 2000. С. 203-209.
18. Бляхер Л.Е., Карпов А.Е., Панеях Э.Л. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса// Мониторинг общественного мнения, N 3, 2000. С. 56-64.
19. Филиппов А.Ф. Теоретическая социология// Теория общества. М.: Канон-пресс, 1999.
20. Бляхер Л.Е. Человек в зеркале социального хаоса. Хабаровск: ХГТУ, 1997, 139 с.